

Title	
Author(s)	
Citation	Acta Slavica Iaponica, 23, 210-218
Issue Date	2006
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/39463
Type	bulletin (article)
Note	Discussion
File Information	ASI23_009.pdf

[Instructions for use](#)

which the sale took place. To repeat, I agree that the politarian frame can be useful if employed as one of a number of tools and theoretical support structures for viewing Russian America in general – and, despite my reservations, even the sale of Alaska in particular. More to the point, politarism is useful for examining the social, political, and economic background and broader historical context that prepared the way for the sale. But, on its own, does it explain why the sale was made?

ACTA SLAVICA IAPONICA, TOMUS 23, PP. 210-218

Повлиял ли политаризм на продажу Аляски? (Ответ на замечания И. Виньковецкого)

Андрей Гринёв

Начну с того, что мне уже неоднократно доводилось вести дискуссии по проблеме политаризма, о чем упоминает и д-р И. Виньковецкий, ссылаясь на работы А.А. Истомина. Правда, полемика с последним касалась лишь частных аспектов этой темы, поскольку в своих работах Истомин прямо признает существование политарной системы в Новом Свете.¹

Илья Виньковецкий также не отрицает определенную эвристическую ценность концепции политаризма, хотя и подвергает сомнению его влияние на продажу Русской Америки Соединенным Штатам. Так он полагает, что не политаризм был причиной слабого притока поселенцев из России: а ведь именно это обстоятельство в значительной мере предопределило переход этой территории в руки американцев. По мнению моего оппонента, выходцы из метрополии при желании могли легко попасть на Аляску, так как государство не препятствовало им в подобном переселении, а Российско-Американская компания (РАК) приветствовала бы их решение, особенно, если они были искусные работники. Просто эти люди не видели достаточных экономических стимулов для того, чтобы задерживаться в колониях на постоянной основе.

Этот тезис представляется некорректным. Государство в лице охотской администрации или петербургских властей пропускало в Америку только людей, имеющих паспорт. В России паспортная система имела в первую очередь податную и полицейскую функцию, а именно обес-

1 Истомин А.А. О «колониальном политаризме», латиноамериканском «феодализме» и некоторых аспектах отношения к аборигенам в Русской Америке // ЭО. 2000. № 3. С. 91. К сожалению, И. Виньковецкий не упоминает еще одну статью, фактически завершившую эту дискуссию: Гринёв А.В. Политаризм и его аспекты в Испанской и Русской Америке // Клио. 2001. № 3. С. 15-24.

печивала фиксацию налогоплательщика и определение его точного местонахождения. В паспорт заносились имя, прозвище, фамилия, происхождение и звание, возраст, рост, основные приметы лица (фотографий тогда не существовало), семейное положение, а также срок «увольнения» с постоянного места жительства. Таким образом, паспорт являлся одним из механизмов тотального контроля государства над зависимым населением империи. Как пишет В.Г. Чернуха, хорошо изучившая паспортную проблему страны, «главный догмат ее государственной системы: неограниченность верховной власти – означал бесправие перед нею всех подданных, действующих только с разрешения и находящихся под подозрением и контролем».² А потому человек, не имевший паспорта вне места его постоянного проживания, причислялся властями к «беглым» и обычно попадал в тюрьму для дальнейшего следствия: не является ли он скрывающимся крепостным крестьянином, должником, преступником и т.д. Московское купечество в 1820-х гг. жаловалось влиятельному царскому сановнику графу М.М. Сперанскому на существовавшую в стране паспортную систему, препятствующую свободному перемещению внутри империи. Даже для поездки в соседний город купцы вынуждены были обзаводиться паспортами, приобретая их также для членов своей семьи. В паспортах описывались малейшие детали внешности, что было особенно оскорбительно для купеческих жен и дочерей, проходивших паспортную проверку на городских заставах.³

Получение паспорта носило двухступенчатый характер. Чтобы приобрести его, податному человеку необходимо было заручиться согласием на временную отлучку со стороны своего «общества» (городской или сельской общины), к которой он был приписан (крепостным крестьянам требовалось также согласие их помещиков⁴). Таким образом, действовал принцип круговой поруки, взаимной ответственности и взаимоконтроля внутри общины, которые облегчали государству управление подданными, являясь одновременно важными составными частями системы всеобщего государственного крепостничества. И уже только после согласия «общества» крестьянин, посадский или купец мог обзавестись паспортом в местных казенных учреждениях, уплатив государственную пошлину. Следовательно, для того, чтобы простому русскому человеку попасть на Аляску, одного желания было явно недостаточно.⁵

2 См.: Чернуха В.Г. Паспорт в Российской империи: наблюдения над законодательством // Исторические записки. 2001. Вып. 4 (122). С. 91.

3 АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи), ф. РАК, оп. 888, д. 125, л. 37-37 об.

4 Это положение нашло отражение в привилегиях РАК (§ 6) – см.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799-1815. Сборник документов. М., 1994. С. 21.

5 Не буду затрагивать здесь вопрос о формировании сословия казаков на границах России и о существовании так называемых «гулящих людей» в Сибири (XVI-XVII вв.), поскольку он не имеет прямого отношения к Русской Америке.

Конечно, на практике государственный контроль посредством паспортной системы соблюдался не слишком строго (как известно, в России суровость законов компенсируется необязательностью их исполнения). Например, в 1810-е гг. в Русской Америке находилось немало лиц, чьи паспорта были давно просрочены. Вдали от казенного начальства некоторые из них десятилетиями жили в колониях, не торопясь возвращаться на родину. Директоры РАК сами откровенно признавали в одном из своих посланий руководству колониальной администрации в 1821 г., что компания «содержит служителей, коих пашпортам сроки прошли, а у иных даже несколько уже десятков лет».⁶ Однако уже в первой половине 1820-х гг. власти Русской Америки в целом навели порядок в «паспортном вопросе». С этого времени руководство РАК старалось не нарушать правительственных предписаний о паспортном контроле, пресекая попытки отдельных лиц попасть в колонии по поддельным документам или жить там с просроченными паспортами. Так, например, в 1852 г. директора РАК затребовали от главного правителя колоний возвращения в Петербург «служителя» компании Ефима Кузьмина, который, как выяснилось, отправился в Русскую Америку по подложному паспорту на имя крестьянина Изборской волости Кондратия Иванова.⁷

Отмечу далее, что вопреки мнению И. Виньковецкого, государство длительное время не давало санкции на формирование постоянного русского населения на Аляске. Впервые эта проблема была поднята в 1808 г., когда Главное правление РАК ходатайствовало перед императором и правительством о разрешении русским промышленникам навсегда оставаться в колониях, тем более, что часть из них обзавелась там домами, хозяйством и семьями.⁸ Однако Государственный совет империи отклонил эту просьбу, ссылаясь на обязанность всех без исключения «податных» отбывать государственные повинности, рекрутчину и платить налоги, являясь для этого незамедлительно по первому требованию начальства к месту своей первоначальной «прописки».⁹ Лишь в 1835 г. царь позволил российским подданным постоянно проживать на Аляске, хотя и с определенными ограничениями. К так называемым «колониальным гражданам» могли быть причислены лица, женившиеся на туземках и «по болезненному состоянию и преклонности лет» решившие добровольно остаться в колониях. Как справедливо отмечал правительственный ревизор деятельности РАК С.А. Костливцов, «укомплектование сословия колониальных граждан возможно только старыми и больными служителями Компании,

6 NARA RAC Records. Roll. 2, p. 223.

7 NARA RAC Records. Roll. 20, p. 691.

8 Российско-Американская компания. С. 188, 190.

9 Окунь С.Б. Российско-Американская компания. М.-Л., 1939. С. 163.

потому что людей здоровых, молодых и недавно живущих в Колониях причислять в колониальные граждане законом не разрешено».¹⁰ Как же могли эти инвалиды укрепить экономически и стратегически Русскую Америку? Со своей стороны, Российско-Американская компания не стремилась без крайней нужды увеличивать в колониях число выходцев из метрополии по причине дополнительных издержек на обустройство поселенцев.¹¹ Поэтому здесь можно еще раз повторить: чтобы поселиться на Аляске, российскому подданному было мало одного желания – для этого была необходима санкция «общества», российских властей и согласие колониальной администрации, а также, как видим, преклонный возраст и брак с туземной женщиной. В колониях такая ситуация сложилась вполне закономерно: российский политаризм был весьма далек от либерального американского капитализма, для которого характерна свобода перемещения и проживания рабочей силы при минимуме государственного вмешательства и бюрократической казуистики.

Мой оппонент пишет, что на Аляске у выходцев из метрополии не было достаточных экономических стимулов для того, чтобы задерживаться здесь на постоянной основе. Они и не могли возникнуть при той социально-экономической системе, которая сформировалась в колониях под эгидой монопольной Российско-Американской компании. Это было ясно даже современникам. Так, в 1863 г. Департамент Государственной экономии отмечал:

«В наших Американских владениях никто не в состоянии рассчитывать на скольконибудь достаточное вознаграждение за свой труд, так как каждый из тамошних жителей видит перед собою, – в лице Компании, – одного наемщика, покупателя, продавца, оценщика товара и в то же время главного распорядителя общественного устройства».¹²

В целом сложившуюся в Русской Америке социально-экономическую систему можно охарактеризовать как один из вариантов колониального политаризма.¹³

Аляска, если использовать выражение И. Виньковецкого, в принципе не могла стать «экономическим магнитом» для простых русских про-

10 Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863. С. 39.

11 См.: *Фёдорова С.Г.* Русское население Аляски и Калифорнии (XVIII – 1867 г.). М., 1971. С. 137-145.

12 По делу о пересмотре устава Российско-Американской компании и об устройстве русских американских колоний. Мин. финансов. Деп. мануфактур и внутренней торговли. Отд. 2. Стол 2. 17 февраля и 22 апреля 1863 г., № 195 // Гос. совет. Департамент экономии. Материалы. СПб., 1864. Т. 23. С. 24-25.

13 Подробнее: *Гринёв А.В.* «Колониальный политаризм» в Новом Свете // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 52-64; см. также: *Гринёв А.В.* Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-Американская компания: система экономических взаимоотношений // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 74-88.

мышленников, ведь ее главное богатство – ценная пушнина – в 1799 г. было отдано правительством в монополию привилегированной полугосударственной Российско-Американской компании. Крупных месторождений золота в период Русской Америки на Аляске найдено не было, а если бы они и были обнаружены, то достались бы, опять же одной РАК (или государству). Добыча других полезных ископаемых, рыбы, леса и льда, а равно и торговля ими находилась целиком под контролем компании. Естественно, что в таких условиях у сибиряков и выходцев из коренной России вряд ли могли возникнуть существенные экономические стимулы обосноваться в колониях. Таким образом, и РАК и царское правительство душили свободу личности и частную инициативу, препятствуя формированию на Аляске многочисленного слоя уроженцев метрополии.

Теперь обратимся к вопросу: могла ли Аляска остаться в составе империи даже при незначительном русском населении. Да, могла, но для этого необходимы были весьма значительные затраты, в том числе на развитие военной инфраструктуры, так как ничтожное русское население в перспективе не могло эффективно препятствовать проникновению на колониальную территорию британских и американских контрабандистов, трапперов и золотоискателей. Но пойти на дополнительные траты петербургское правительство не могло из-за острого бюджетного дефицита и смутных экономических перспектив российских колоний, о чем мне уже доводилось подробно писать в предыдущей статье. Впрочем, и для развития военной инфраструктуры опять-таки понадобилось бы привлечение дополнительных рабочих рук выходцев из метрополии.

И. Виньковецкий пишет, что для меня Российско-Американская компания является в первую очередь политарным институтом, а не коммерческим. С его точки зрения, РАК имела прямые западные аналоги, в лице английской Ост-Индской компании или Компании Гудзонова залива (КГЗ), олицетворявших собой союз государственных и коммерческих интересов. Эти привилегированные компании создавались правительствами западных капиталистических стран, которые явно не были политарными. Вместе с тем И. Виньковецкий справедливо указывает, что давно назрела необходимость в детальном сравнительном анализе деятельности РАК и западных привилегированных компаний и в первую очередь сопоставление РАК и КГЗ. По его мнению, различия между двумя монополиями предопределялись их хозяйственной деятельностью: РАК ориентировалась на добычу морских животных, а КГЗ – сухопутных. Отсюда, как он полагает, проистекал и разный подход к использованию туземной рабочей силы. Когда вследствие истребления морского зверя РАК переориентировалась на добычу сухопутных животных, она заимствовала колониальную практику КГЗ. Правда, агенты РАК имели меньше прав на установление колониальных цен, чем служащие британской компании. Виньковецкий связывает это обстоятельство с политическими условиями, в которых действовали обе коммерческие организации, а также в отличии

торговли мехами сухопутных зверей от морской пушной торговли. Как подчеркивает мой оппонент, РАК была пусть и плохо работавшей, но все же коммерческой структурой.

Разберем вкратце эти тезисы. Во-первых, отмечу, что анализ деятельности Российско-Американской компании выходит далеко за рамки заявленной здесь темы. Во-вторых, в моей статье о причинах продажи Аляски компания нигде не характеризуется как «политарный институт». В предыдущих работах мне приходилось неоднократно указывать, что РАК была своеобразным институтированным симбиозом интересов правительства и сибирских предпринимателей,¹⁴ причем по мере существования компании степень вмешательства государства в ее деятельность нарастала. Правительство постепенно «встраивало» РАК в систему своего управления в качестве своеобразного «полугосударственного придатка», о чем свидетельствует, в частности, перевод компании в 1860-х гг. из ведомства Министерства финансов в Морское ведомство (ВМФ). Таким образом, не являясь изначально «политарным институтом», РАК фактически превращалась в него всей логикой развития российской политарной системы.

Хотя РАК возникла как калька с торговых компаний Западной Европы, ее связи с государством и отношение к служащим и туземцам в колониях строились в значительной мере на иных принципах, нежели у британского аналога – КГЗ. Разница между двумя компаниями не была тайной и для современников. Прочитирую слова членов Государственного совета Российской империи при обсуждении привилегий РАК весной 1865 г.:

«При сравнении Английской и Русской компаний в Северной Америке нельзя не прийти к следующему выводу: близкая друг к другу в географическом отношении, имея одну общую цель – добычу мехов, обе Компании при достижении этой цели руководствовались совершенно различными началами. Английская Компания, действуя на коммерческом основании, заботилась чтобы путем свободного торгового оборота по сбыту и потреблению, она в то же время сближением этим привязывала к себе туземцев и получала возможность, без всяких насилий, проводить исподволь между дикарями английскую цивилизацию. Российско-же Американская Компания, руководствуясь, собственно говоря, крепостным правом (подчеркнуто в источнике – А.Г.) считала и считает промыслы пушных зверей своею собственностью, а инородцев своими рабами. Позволяя им удовлетворять под своим руководством только крайняя их нужды, она доставляет инородцам только такие предметы, доставка которых составляет для нея выгоду».¹⁵

14 См.: История Русской Америки 1732-1867. Том II. Деятельность Российско-американской компании 1799-1825. М., 1999. С. 15; Гринёв А.В. Роль государства в образовании Российско-Американской компании // Русское открытие Америки. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова. М., 2002. С. 446 и др.

15 АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 181, л. 70 об.

Хотя в приведенном отрывке царские сановники несколько сгустили краски (например, туземцы российских колоний в 1860-х гг. не являлись рабами РАК), тем не менее, в этом высказывании есть и доля истины. Таким образом, еще во второй половине XIX в. современники достаточно четко фиксировали отсталость и неэффективность социально-экономических отношений в российских колониях в сравнении с капиталистическими в соседних английских.

В связи с этим не следует переоценивать и значение переориентации РАК на добычу сухопутных животных с 1820-х гг., с последующей перестройкой колониальной практики по английскому образцу, о чем пишет И. Виньковецкий. Принудительный труд зависимых туземцев на морских пушных промыслах продолжал оставаться экономическим фундаментом Русской Америки вплоть до 1860-х гг. Несмотря на то, что в количественном отношении агенты РАК приобретали путем торгового обмена гораздо больше шкурок речных бобров у северных атапасков и эскимосов, чем шкур калана от зависимых алеутов и кадьякцев на морских промыслах, тем не менее, стоили каланьи меха значительно дороже: в 1834 г., например, шкура калана ценилась в России и на международном рынке в 12 раз выше, чем речного бобра.¹⁶ Попутно отмечу, что «морской пушной торговлей», как пишет мой оппонент, РАК практически не занималась, предпочитая получать пушнину морских животных (каланов, котиков) у зависимых туземцев по строго фиксированным заниженным ценам. Поэтому в российских колониях вплоть до продажи их США имела место ситуация, когда принудительный труд алеутов и кадьякцев на морских промыслах РАК сосуществовал со свободным торговым обменом агентов компании с фактически независимыми индейскими племенами¹⁷ и северными эскимосами по «британскому образцу».

Здесь можно было бы продолжить сравнение колониальной практики РАК и КГЗ, но это уведет нас еще дальше от центральной проблемы: как повлиял политаризм на продажу Аляски. По мнению И. Виньковецкого, сама концепция политаризма затушевывает исторический фон, на котором происходило принятие решения об уступке колоний США. По его мнению, этот акт был составной частью Великих реформ 1860-х гг. После поражения в Крымской войне в сознании значительной части истеблишмента Российской империи произошла глубокая стратегическая переоценка места и роли страны на мировой арене. Для многих в правительстве стала очевидна уязвимость России из-за ее сверхпротяженных границ. Самого пристального внимания петербургского кабинета требовали старые и новые стратегические приоритеты на Ближнем и Дальнем

16 National Archives and Record Service (Washington D.C., USA). RG 261, RRAC, roll. 9, p. 110-111, 135-136.

17 Определенное исключение представляли жившие в районе зал. Кука индейцы танаина.

Востоке, а также в Средней Азии, в то время как Аляска была далекой периферией. Столичные бюрократы, исходя из своих геостратегических соображений, несколько лет готовили решение о продаже. Но как это было связано с политаризмом? – вопрошает И. Виньковецкий. Он склоняется к мнению, что роковое решение было принято в общем контексте российской политики того периода, в русле сокращения государственных расходов и проведении военных реформ (особенно модернизации флота). Навязывание концепции политаризма, как главной причины продажи Аляски, по мнению И. Виньковецкого, не позволяет выяснить влияние двух важнейших факторов – деятельности ключевых исторических фигур того времени (русских стратегов и либералов), а также специфики самого периода Великих реформ. Мой оппонент приходит к неутешительному выводу, что политаризм не может объяснить, почему продажа была все же совершена.

Не могу согласиться с подобными утверждениями. Исторический фон, на котором происходили дебаты о будущем российских колоний в Новом Свете, а именно период Великих реформ, отнюдь не игнорируется в моей статье. Необходимость их проведения как раз и была вызвана неэффективностью российского политаризма, которую наглядно показала Крымская компания. Характерно, что сами реформы проводились государством «сверху» для форсированного усиления капиталистического сектора российской экономики. Что же заставило петербургских бюрократов параллельно заняться окончательным решением аляскинского вопроса? А заставил их кризис российской социально-экономической системы, проявившийся наиболее ярко в технической отсталости страны (в частности, в необходимости перейти к паровому флоту) и в финансовых трудностях. Системный кризис вынуждал уделять повышенное внимание приоритетам,¹⁸ оставляя в стороне второстепенные политические проблемы, и заставлял отказываться от финансирования сомнительных проектов. Излишне говорить, что американские колонии попадали во вторую категорию. Сами по себе они были слишком слабы, а их социально-экономическая модель архаична и неприспособлена к острой капиталистической конкуренции, нараставшей на международной арене. Если бы, наоборот, колонии процветали, имели достаточно многочисленное население, были самодостаточны и приносили стабильный доход казне, вряд ли хоть одному бюрократу в Петербурге пришла бы в голову мысль избавиться от них. Даже такая ключевая фигура в лоббировании продажи Аляски, а по совместительству главный либерал России – великий князь Константин – едва ли смог бы осуществить в этом случае свою «идею фикс».

18 См.: Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / Подготовил к изд. Л.Е. Шепелёв. СПб., 1999.

Подводя итог дискуссии, хочу подчеркнуть, что прозвучавшая в статье И. Виньковецкого критика представляется мне малоубедительной. Продолжаю настаивать, что именно отсталый социально-экономический строй явился катализатором Великих реформ, которые, в свою очередь, и выдвинули на авансцену либералов, этих, по словам И. Виньковецкого, «ключевых исторических деятелей», оказавших решающее влияние на судьбу российских колоний. Либералы пытались путем реформ «сверху» перестроить политарную систему в метрополии, расширив капиталистический сектор. Однако на подобную перестройку в колониях у них не хватило желания, и главное, средств. Со своей стороны РАК вообще не хотела коренным образом менять сложившуюся в Русской Америке систему колониального политаризма, что ставит под сомнение утверждение И. Виньковецкого о коммерческом характере РАК.

Подводя итоги, вынужден повторить здесь еще раз: именно политаризм в России и ее американских колониях породил тот блок объективных проблем, которые в сочетании с субъективно-личностным фактором (деятельность вел. кн. Константина и его соратников-либералов) в эпоху Великих реформ и привели к продаже Аляски США.